

НАД БЫСТРЫМ ИРТЫШОМ

Главы из поэмы

Часть 1. ЧИСТЫЙ ЯР И САРАБЕЛЬ (КРАСИВОЕ)

1. В РОДНОМ СЕЛЕ

Я пил из стакана, из стопки, из кружки.
Выведывал правду. В конце-то концов
Все ж правду сыскал.

У дремучей старушки
Узнал я фамилию эту – Ельцов.

Фамилия эта изрядно забыта,
Как сотни казачьих фамилий других.
Не светом,
но мраком столетним покрыта.
Мне пепел стряхнуть бы
с имен дорогих!

А тактика выпить –
есть русский обычай.
С порога не спросишь про жизнь
напрямик.
А выпьет земляк, станет ближе,
привычней,
И память острей,
и проворней язык.

И сколько здесь выдержки нужно
и меры,
Заплелся язык – и попался впросак.
Особенно если жильцы – старoverы,

С «мирскими»

не выпьет кондовый кержак.

Посмотрят в глаза старики,
приглядятся –
Жива ли душа? Не растрчена ль зря?
Заглянут в себя,
как в открытые святцы,
Богатую память живет бодря.

Люблю я бродить по родимой деревне.
Люблю стариков, ну а больше – старух.
Иной будет строжиться:
«Спой же, Андревна!»
Затянет! Да так, что заходится дух.

Мне пели Ивановны, пели Петровны.
Поклон им за песни сыновний, земной.
И чувствуешь в песне:
ты – близкий, ты – кровный,
Родной ты и нужный,
ты – русский, ты – свой!

Деревню люблю я, обидеть не смея,
За то, что ко мне бесконечно добра.
Меня узнают: «Ты же сын Алексея!
Ну, Анна Ивановна мать, медсестра».

Не раз попадал я в деревне к застолью
С гармонью, как раньше,
как в детстве моем.

То небыль расскажут со смехом,
то с болью
Поведают быль, что на сердце рубцом.
Сидят старики, как колодцы в пустыне,
Живая вода – не ленись, зачерпни...
Кремневое племя крепко и поныне,
Спроси, и о многом расскажут они.
Эх, сколько историй во мне накопилось
С простых вечеринок,
с застолий родных,
Где пелось, плясалось,
где все веселилось,
Душа расцветала от песен таких!
Старушка поведала случай с коровой:
«В тот год затопили родное село.
А нашу Пеструшку знакомой дорогой
К затопленной нашей деревне вело.
Войдет в Бухтарму по колено
Пеструшка,
Мычит над водой, не поймет ничего...
Мы люди, нам проще, –
сказала старушка, –
А бедной скотинке-то жить каково!»
И были другие, веселые были
Из брежневских теплых
«застойных» времен.
И песни, как птицы весенние, плыли
К нам в тихую заводь
на сельский затон.
Выведывал все, собирал по крупичкам
Про все, что уж скоро теперь отойдет,
Читал эту книгу живую по лицам,
По песням, которые помнит народ.

2. НА ПОКОСЕ

Густы разнотравья в предгорьях Алтая.
В логах табуняются осинок стада.
Пшеница в полях, что река золотая.
Зовет меня сердце, как в детстве, туда.

Мы к этим красотам
с рожденья привыкли.
Вернуться б опять на знакомый покос!
Чтоб батя на старом своем мотоцикле
Меня в это поле родное увез.
По кочкам, колдобинам,
с детства знакомым,
Сидел бы за батиной крепкой спиной,
И рыжая пыль, поднимаясь от дома,
Клубилась, плясала, вставала стеной.
Я б снова держался за бату руками.
По старой дороге
наш старенький «Иж»
Летел бы себе золотыми полями,
Легко и привычно,
как птица, как стриж.
И снова б слезились глаза
не от страха –
От жаркого ветра, сиянья берез.
И снова на мне б пузырилась рубаха,
Когда б меня батя повез на покос!
В Портново травы!
И травы в Соколово!
Коси да коси, не жалея спины.
Уже не уйти мне от отчего зова,
От вечного зова родной стороны.
Греби и греби эти травы густые,
Сметай и сметай их, копни и копни.
Над полем тем
коршуны кружат степные,
Зовут и клекочут о чем-то они.
Что знают они, эти вечные птицы?
Небесные флейты наводят печаль
О том, что прошедшее не повторится,
Рассеявшись в дымку, в туманную даль.

Но мне никогда не забыть те покосы:
Звнящее лето, я – рядом с отцом.
Там пьют родниковую воду березы.
Ох, вкусен был хлеб там
с лучком и салцом!

Шумят тальники на ветру: «Соколово!»
 В логах бродит эхо у тех родников.
 Спросил я отца у воды родниковой:
 – А кто это был, кто такой Соколов?

– Да слухи ходили –
 купец это знатный!

Ходил на Китай, нанимал пароход,
 Большие наделы земли благодатной,
 Товаров несметно да крепкий доход.

Еще говорили, а может быть ввали,
 Деньгами
 он чайник на спор вскипятил,
 Сжигая купюры...
 Из солнечной дали
 К нам коршун в лазури
 торжественно плыл.

Я помню отчетливо солнце над нами
 И этот родник с ледяною водой,
 Где вброд переходят, белея ногами,
 Березы, подол приподнявши рукой.

Я много узнал из рассказов отцовых.
 Я родиной бредил, душой заболел.
 Ведь нет уж в деревне давно
 Соколовых,
 Остался лишь этот казачий надел.

О старых поселях
 напомним лишь слово –
 От них нам осталось название одно.
 Вязигино и Кузнецово, Портново,
 Чикеево, Камбалино, Шульгино.

И эти луга, как забытая карта,
 Казачьих наделов хранят имена.
 Я родины гул
 слушал с детским азартом
 И видел иные совсем времена.

3. ЗАТЕРТАЯ ТЕТРАДЬ

Когда я учился еще на филфаке,
 На практику ездил в деревню свою,
 Где дружеским лаем встречали собаки,
 Молчу про сельчан и большую родню.

Там нет ни бульваров,
 ни мощных проспектов,
 Семь улиц родных – земляки да родня.
 Ларец старых песен
 да вязь диалектов
 Хранятся в кубышке с тех пор у меня.

Со мной пережив перестройку, разруху,
 В моих переездах истерлась тетрадь
 И стала ценнее. Любую старуху
 Я помню и руки готов целовать.

Да нет их давно. Я и сам уж седею.
 Кому-то тетрадь эта ветхая – боль.
 Я ж сердце согрею, склоняясь над нею,
 Сбивая с тетрадки ядреную пыль.

Она без меня никому не стодится,
 Чужой без меня сунет в печку – разжечь.
 И вот оживают знакомые лица,
 Смеются и плачут,
 и слышится речь.

И вот из воды выплывают станицы,
 Поселки, как баржи, садятся на мель.
 «Дывчина, дозвожь мне
 тобой подывыться...» –
 Развешала песню свою Сарабель.

Здесь песен таких никогда не слышали,
 То – звездное небо чужой стороны!
 И чувства тех женщин,
 что жаркие шали.
 «Дивчины» там «гарны»,
 красивые, стройны.

Там «спивни» утрами
 поют у «криницы».
 Там сало и борщ подают на столы.
 Бурчат казаки в Чистоярской станице:
 – Неужто мы хуже, чем энти «хохлы».

В ответ вперебой
 запоют в Чистом Яре –
 Не песня, а радуга над Иртышом!
 Прабабка моя будет снова в ударе,
 Затянет и в грязь не ударит лицом.

Здесь чай казаки любят пить и ущицу,
Галушки по-местному значат –
«рванцы».

Здесь пыль поднимают,
резвясь по станице,
Галопом летят на конях сорванцы.

Проходит мой прадед – рессора литая,
Стигать бесполезно, сам крепок собой.
Все знают в округе: Сергей Полетаев –
Казак чистоярский, к тому ж коренной.

Еще далеко до большого крушенья,
До братоубийственной бойни большой.
Вросли в Чистый Яр
целых два поколения
И жили там крепко над шумной рекой.

Еще Сарабели не знали в помине,
И звали Красивым – над речкой Сухой
Поднялись саманные избы на глине
Задолго до Первой войны мировой.

Кто первым
назвал это место Красивым?
Потомки их живы, а может быть, нет?
Но кипы страниц областного архива
На эти вопросы не дали ответ.

Года проходили. Пути. Переезды.
Себя я нашел, но сумел потерять
Кержацкий «Псалтырь»,
«Откровения Ездры»,
Осталась затертая в ключья тетрадь.

И, видно, рожден
под звездой счастливой,
Однажды узнал я в деревне своей,
Как шли на Иртыш
из станицы Красивой
Одиннадцать крепких
кубанских семей.

Как в долгой дороге родных хоронили,
Рожали, крестили и все-таки шли.
Но имя станицы своей не забыли
И именем этим село нарекли.

А к ним поселенцы пришли с Украины,
С центральной России
и прочих земель.

И тоже дома возводили из глины,
Прозвали в народе село – Сарабель.

4. НА МАСЛЕНИЦУ

Три тополя высились в рыжем овраге,
Свидетели добрых и страшных времен:
И песни казачьи, и красные стяги,
И пышные свадьбы, и плач похорон

Над яром стояли, где речка Сухая
Впадает в гремучий и быстрый Иртыш,
У самой протоки, у самого края,
Где стаи бакланов и сонный камыш.

Зимою меж сел замерзала протока.
На «масленку» здесь собирался народ.
На санках катались
с пригорков высоких
И стенка на стенку сходились на лед.

Блинов уж объелись, и лица лоснятся,
Лапшой пресыщались, налимайей ухой.
Идут вперепляс казаки, веселятся,
Румяны от браги, от дури шальной.

Как жабры раскрылась гармонь –
нараспашку,
Вздохнула, запели павлиньи меха.
Уже без тулупа, в исподней рубашке,
Задиристый, мелкий идет, как блоха,

Вязига меньшей, кулаки потирая.
За ним и старшой тут же скинул тулуп.
Шульга чуть поодаль по левому краю,
Левшойю пригладил
взломаченный чуб.

Идут чистоярцы – царевы службисты,
Им кровь погонять бы
да выветрить хмель.
Навстречу народ разношерстый,
плечистый –
Бойцов выставляет своих Сарабель.

Тут Галкин Порфирий,
наездник, рубака,
Высокий и статный, и грудь колесом,
В кубанке и в праздничной
красной рубахе,
Задирист и молод – петух петухом.

Красивый лицом он и широкоплечий,
Любая пойдет за таким женихом!
Он в Верном,
на скачках в самом Семиречье,
Был первым, за то премирован седлом.

Порфирий легко разгибает подкову.
Он ищет глазами – румяна, как мак,
Голубка, красавица, дочь Половкова
Глядит на него, сторожа каждый шаг.

У видных дивчин зарумянились щеки,
Играет сердечко, заходится дух.
Болтливы старухи, стоят руки в боки,
Не лица – блины у дородных старух.

Лицо у Каширихи, что сковородка,
Болтает: «Красива была, молода.
Получше, чем энта худая молодка,
Расперло под старость,
ну прямо, беда!»

Молчала б Кашириха лучше в тряпицу!
Все знают, с чего скосбочило рот:
Не дед Черноус –
так дурной молодежи
Не взяли бы замуж – его приворот!

Устал уж Вязига меньшей петушиться,
Стотовился, снег притоптал под собой.
Такому – что драться,
что браги напиться,
Но только чтоб сердце
звенело струной.

Немую гармонь в полушубок укутав,
Рванул гармонист и сапог потерял,
Расхристанный Шеин и полуразутый,
Он ванькою-встанькой
по центру стоял.

Сошлись две стены,
две волны, две стихии.
Кричат сарабельцы, гремит Чистый Яр.
Кулачники встретились здесь
не впервые,
Вспотели, идет, как над прорубью, пар.

Вот стали теснить казаков сарабельцы –
Руденко и Юрченко, Стасий, Штанько,
Кулачного дела большие умельцы,
Идут, будто косят, легко, широко.

Порфирий, как мельница,
машет руками,
Весь в красном –
расплавленный слиток стальной.
Кубанку его затоптали ногами,
И сам он на снег завалился спиной.

Тут ёкнуло сердце влюбленной девахи,
И выдала чувства свои с головой.
Порфирий в разорванной
красной рубахе
Сидит, с битым глазом,
с заплывшей щекой.

Собрались гуртом чистоярцы –
лавиной
Пошли, словно бедствие,
оползень, сель.
Уж выбито добрых бойцов половина,
И дрогнула, гнется уже Сарабель.

Тут Камбалин верткий,
Вязиги два брата,
Наотмашь лупя, верховодит Ельцов.
Руденко свалился, изрядно помятый,
Расписанный, будто на Пасху яйцо.

Теснят чистоярцы. По левому краю
Левшой, будто молотом, хлещет Шульга.
И Стасий не сдюжил, лег, кровью харкая.
Прибиты, запачканы кровью снега.

Ну, кто здесь хозяин? Места обжитые!
Здесь правят морозы и сибиряки.
Вся грудь нараспашку,

чудные, хмельные,
Под песню идут в Чистый Яр казаки.

Вязига меньшей
с битым глазом, без зуба,
Смеется:
«Без зуба-то лучше свистеть!»
Частушку поет озорную про Любу,
Охальник, заставил и старых краснеть.

Шульге медный крест
ажно в мясо вдавило.
Он крест разогнул.
На груди под крестом
Распятие кровавой росой проступило –
Как будто помечен крестовым тавром.

У Шеина в кровь казанки подразбиты,
Гармошка в руках и фальшивит, и врет.
– Вот пар выпускали,
теперь будем сыты! –
Вареники губ чуть ворочает рот.

В домах логушки раздуваются брагой,
Как бабы пузаты, уже на сносях.
Пора разливать и гулять всей ватагой,
Гармонь заводит и плясать на бровях.

Уж скоро заплещут багряные флаги,
Кроваво пройдет роковая межа.
Три тополя высилось в рыжем овраге
Над быстрой
и шумной волной Иртыша.

Часть 2. КАЗАКИ

1. ПОРФИРИЙ ПЕТРОВИЧ

В тот год
засылали сватов к Половковым,
И в церкви венчались, примерив венцы.
Веселую свадьбу сыграли с Покровом,
На тройках звенели три дня бубенцы.

Сходились в село
две ближайших станицы,

Плясали три дня от утра до утра.
Семейной иконой Небесной Царицы
Порфирия благословила сестра.

Ледком покрывались у яра дороги,
Предгорья давно забелили снега.
Незванный колдун,
темноглазый и строгий,
Гулять не мешал, не слетала дуга.

И кони бежали ядрено и бойко,
И свадебный поезд нигде не стоял.
Эх! Свадьба так свадьба!
Гулянье, попойка,
Гул песен до самых Батов долетал.

Дородные бабы в цветастых косынках
Разявили рты:
«Ты поглянь, ты поглянь...»
Там – в огненной пляске
ненашей лезгинки
Зашелся жених, вспоминая Кубань.

– Забавный припляс!
Эх, холера вторая! –
Вязигин Василий выходит, крестьясь.
Идет меж столов, казачка выбивая,
Шевелятся в блюдах и нельма и язь.
Василий –
любимец станичных застолий.
– Ну, точно холера, чертяка такой! –
Смеются. И Гусевы Федор и Лолий
С присвистом идут в перепляс озорной.

Довольно испито и водки и браги,
Наплясано плясок лихих, озорных.
И сам атаман из Батинской Палагин
Приехал поздравить сюда молодых.

Порфирий встал
в Прииртышье корнями.
Займку имел.
По заросшей тропе,
Спускаясь, найдешь и сейчас
меж камнями
На камне там выбито: «ГАЛКИН П.П.»

Роднею оброс. Уважаемый родич.
 Когда разойдется жена между дел:
 – А помнишь,
 на масленку было, Петрович? –
 Порфирий смолкал и зубами скрипел.

Ну, разве забудешь такое? Что чирей
 Больной надавила. Ну, бабий язык!
 Ту масленку
 добро запомнил Порфирий,
 Ведь тоже казак и лежать не привык.

Два дня провалился в ту пору обузой.
 С Зайсана прислали в тот день осетра.
 Петрович не ел. И соленым арбузом,
 Рассолом его отходила сестра.

Болело внутри, и стонало предплечье,
 И шашка еще выпадала с руки.
 В Зайсан, говорили, не то в Семиречье
 Отправятся скоро в свой путь казаки.

2. ВЯЗИГИНЫ

Вязиговых было немало в округе.
 Черт ногу свернет там – родня не родня?
 Но шашка была им любимой подругой,
 Удача и удаль, да в бой на коня.

Их было тогда две семьи в Чистом Яре.
 Одни – мелкорослые весельчаки.
 Никто их не видел
 в общественной сваре,
 А в стенке – то первые были битки.

Вторые Вязигины были крупнее,
 Особенно сам пожилой Федосей.
 Игру в кулачки звал дурною затеей –
 Боялся калечить напрасно людей.

Частенько мальчишки бежали к оврагу.
 Старик, осенившись:
 «Спаси мя, Христос!»

Впрягался в оглобли, жалея конягу,
 Под смех ребятшек вытаскивал воз.

– Тут мне нелегко, какво животинке!
 Он в русско-японскую вынес меня, –
 Конька вороного он гладил по спинке,
 Любил Федосей дорогого коня.

В жару косолапый задрал вороного.
 Озлился, поднялся, на зверя похож,
 Ушел Федосей, не сказавши ни слова,
 Заткнув в голенище охотничий нож.

В ауле ему подсказали казахи,
 Где «тушится» конь,
 возле старых берез.
 Ушел. И в разорванной в клочья рубахе
 Вернулся, но шкуру медведя принес.

Пригнувшись,
 стоял Федосей на пороге:
 – Разъязви зверину...
 А тот ли медведь? –
 И бросил огромную шкуру под ноги.
 Неделю молчал и залатывал сеть.

Потом во дворе без особых усилий
 Телегу задрал и чинил колесо.
 Под руку ему подвернулся Василий,
 Заметил – подплыло у сына лицо.

– Ты, Васька, однако, не нашей породы.
 Всего изватлали – что драный кобель.
 Опять ты зоришь у хохлов огороды?
 Вам медом намазана та Сарабель?

Меньшой приструнялся,
 глазами моргая.
 Отец уж заметно душой присмирел.
 – Чужое вкуснее, холера вторая...
 Я в жены девчонку в селе присмотрел.

– А... Вон что! Невеста?
 Ну, дело другое!
 Хотя и такое с тобой не впервой, –
 И глаз заиграл под кустистой дугою, –
 Женись, кобелина, холера с тобой.

«Что Ваське сошло,
 не сошло бы Андрею,

Тот прям и упорен, и знает расчет,
А этот поласковой и похитрее,
Да, ласков теленок двух маток сосет!

Вот присказка только у Васьки дурная.
Где первая, скажем, холера, в пример?
И что это значит, «холера вторая»?
И сколько всего этих самых холер?»

Старик засмеялся, себя вспоминая,
Ведь тоже был молод и тоже был бит.
Украдкою сына вослед осеняя,
Его одевая в невидимый щит.

3. КАЛМЫКИ

Устиновы, Бутины и Столяровы
Все корня единого – предок калмык,
Воспитан сибирской природой суровой,
К которой с рожденья
кочевник привык.

Под Бийском
в Антоньевской было станице.
Один за другим хоронили детей,
И вот Столяровы,
чтоб роду продлиться,
Пригрели мальчишку
джунгарских кровей.

Они воспитали того калмычонка,
Крестили, растили, дав пищу и кров.
Женили на русской хорошей девчонке,
С тех пор стал скуласт
этот род Столяров.

А были станичники крепко богаты.
И на ноги встали, придя в Чистый Яр.
Едва замечались черты азиата
В далеких потомках угрюмых джунгар.

Иван породнился с самим Соколовым,
Купцом из купцов,
чтобы деньги к деньгам,
Тавренным коням и удоиным коровам
Вольготно паслось
по алтайским лугам.

Была невысокой сестрица Прасковья.
Детей хоронила – семнадцать могил.
Последний обласкан горячей любовью –
Был светом в окошке ей сын Михаил.

Когда-то текла меж соседей беседа.
Зашел к ним под вечер знакомый казак.
Прасковья в пылу увещала соседа,
Щепоткой беря из ладони табак:

– Недаром зовут сарабельцев
«хохлами»!

Ух! Вредные эти хохлы, Алексей! –
Его угощала она пирогами,
Тот ел, веселясь над соседкой своей:

– У вас же сноха с Сарабелы, хохлушка!
– Эй, нет, я ее воспитала, дружок.
Она уж казачка! – сердилась старушка,
Чихала со вкусом: – Ядрен табачок!

Часть 3. У КРОВАВОЙ МЕЖИ

1. СПОЛОХ

Свихнувшийся странник
бродил по селеньям:
– Не в старых мехах молодому вину
Бродить! – напевал он. –

Кровавым крещеньем
Омоет несчастную Божью страну!

Иссякнет любовь,
и восцарствует мщенье! –
Кричал полоумно с церковных крылец.
Старух будоражило хрипкое пенье,
Звнящий в иссохшей руке бубенец.

Он шел босиком, в изветшалых обносках,
В заношенной шапке,
что нес набекрень,
Вздымался, искусан собаками посох –
Где в небе он видел грядущего тень.

В краю суеверно старухи вещали –
Вполнеба горели столбы по весне –

По огненной этой небесной скрижали
Читали – быть скоро войне!

Кому-то кресты на груди и медали,
Кому-то надгробные будут кресты.
Старух суеверных мужчины страшали:
– Чего вы, вороны, раззявили рты!

Накаркали, старые.

Вскоре был «сполох».

Как в засуху резко мелеет река,
Мелело людьми: и в станицах, и в селах –
На десять бабенок по два старика.

И горы как прежде на месте стояли,
Как прежде нес быстрые воды Иртыш.
Все женщины только – косили, метали,
Готовили на зиму к печкам камыш.

Лишь песни казались грустнее,
печальней.

Взлетали, как птицы они, вперепев.
И строки угрюмые весточки дальней
Читали, усталые души согрив.

Гремит Сарабель – ведь у Стасия Саввы
«Георгий» за храбрость. Герои войны –
Шульгин, чистоярец, воюет на славу,
Вязигины – те и другие сыны.

Идут за отечество правдой и верой.
Про Ваську Вязигина пишут домой –
За лихость и присказку
прозван «холерой»,
Где пекло – там Васька
с «холерой второй».

Тюменцев Роман да Ельцов,
да Скударнов,
Да Камбалин носят медали, кресты!
Иртыш их вспоил,
воспитал их недаром!
Ковригин да Машенский славят Баты.

А, травленный газом,
Порфирий Петрович
Лежит в лазарете, угрюмый, седой,

Уставший от долгой войны и от крови,
По горло уж сыт бесконечной войной.

Писали из дома, что быт деревенский
Жандармы нарушили – взят был чужак,
По паспорту значился писарь –
Раменский,
Партиец со стажем – Рулев Исаак.

2. РЕВОЛЮЦИЯ

И гром революции грянул кроваво.
На мир призывали картавые рты.
Билет коммуниста у Стасия Саввы,
Он царские больше не носит кресты.

На фронте: одним никаких перемирий,
Другие за мир хоть с самим сатаной.
К жене в Прииртышье
вернулся Порфирий,
Весь волос как будто присыпан золой.

Багрово пылали над степью закаты.
Иртыш закипал ледяною волной.
Устало домой возвращались солдаты,
Надсажены долгой тяжелой войной:

В стране беспокойно.
Гуляют смутьяны.
«Всю землю – крестьянам!» –
и мутят народ.
Гуляй, гольтьба!
Люд расхристанный, пьяный...
И кровью смердит
восемнадцатый год.

– Эх, вздыбили свет!
Накренили Рассею! –
Ворчит, поднимая плетень, Федосей.
И некому в доме помочь Федосею,
Он ждет не дождется своих сыновей.

Все едут и едут домой верховые.
– Видать, наломали вам крепко бока,
Что песен не слышно и лица смурные?
Порадуйте добрым словцом старика.

– Да живы твои... Там, за речкой Сухую
В телеге Василий, свалил его тиф.

– Спаси вас Христос!

Не с такою бедою
Бывали! – крестом казаков осенив,

Дождался сынов Федосей наконец-то.
Заждались, раздули бока логушки,
А дом – от болезней

вернейшее средство,
От тифа, от ран, от войны, от тоски.

Уложен Василий на жаркой перине,
В бреду он воюет с «холерой второй»,
И кисть сарабельской невесты Ирины
Сжимает, как шашку, рубака шальной.

Всю ночь в этом доме горели лампы,
Молилась старушка
над сыном больным,
Мерцали икон намоленных оклады,
И выжил любимец их, Богом храним.

Василий обыгнулся. Через неделю
Он за руку ввел молодую жену.
Вот так породнились они с Сарабелью.
Ведь эта дивчина ждала всю войну.

Мы ходим под Богом. И две половины
Находят друг друга,
чтоб жить до конца.

Вязигин Василий с невестой Ириной
Скрепили навечно родные сердца.

Кружила метель, целый день не стихая.
На свадьбу зарезал быка Федосей.
Сквозь снег появился батыр в малахае,
Ведя под уздцы запаленных коней.

Он сбился с пути. Все дороги задуло.
– Кайда Акчука? – издалёка гонец.
И долго ему кандыбать до аула.
– Онда! – указал малахаю отец.

– Алып! – малахай покачал головою,
И птицей взлетел на коня малахай:
Рахмет! – и растаял за снежной стеною
Под посвист и гиканье, топот и лай.

3. КАЛИНА ГОРЬКАЯ

Той осенью –
пропасть назрело калины,
От ягоды рясной горели лога.
Несметная шука зеленые спины
На отмелях грела, идя к берегам.

Как в детстве,
бежал на рыбалку Василий,
Тянул бредешок по воде ледяной.
И в щучьих жемчужных чешуйках
и в мыле
Мешками носили ту рыбу домой.

Василий любил,
как и все в Чистом Яре,
Пожарче парилку, чтоб пар через край,
Как тесто в бадье на хорошей опаре,
Чтоб яро напрело:
«Андрюша, поддай!»

Гудит у Вязигиных крепко парная.
Там тешатся братья, румяня бока.
И веники хлещут, по спинам гуляя,
Как будто идут вперепляс «казачка».

Идут вперехлест,
вперебой, вперетряску.
Березовый дух да песчаный чабрец.
– Кажись, не забыли
сибирской закваски! –
Радешенек бродит по дому отец.

– Там Васька чудит. От, холера вторая!
В кого уродился, пострел заводной? –
А бабка смеется, судьбу вспоминая:
– А сам был, чертяка, какой молодой!

Какое-то счастье свалилось шальное!
Витала шальная душа в небесах.
Хотелось любить, опаленным войною!
Василий невесту носил на руках.

Над речкой Сухую мосток деревянный,
Стоят тополя там и берег высок.

Закат оплывает морозный, багряный,
Хрустит, как арбуз, под ногами снежок.

Влюбленным – особые светят закаты,
Любимым – особые свет и снега.
– Иринка, Иринка, какой я богатый! –
Снежок разodel ее всю в жемчуга.

– Жемчужинка, горлинка,
ветка, кувшинка,
Лебедушка, ягодка, песня моя.
Какой я богатый, Иринка, Иринка!
Я бредил тобою в чужбинных краях.

Ты помнишь,
девчонкой веселой, румяной
Летела на санках,
снесла меня с ног?

Закат был такой же горящий, багряный,
Такой же кружил над тобою снежок.

– Ну, как же забыть!
Ты намыл меня снегом
Да имени даже совсем не спросил!
Смешно мне и холодно.
Радостным смехом
И снегом опять ты меня окатил.

Не зря мы тогда
повстречались с тобою!
Потом вы играли в свою чехарду.
То было далекой и снежной зимою
В каком-то далеком счастливом году.

В яру, у забоки стояла калина.
Он ветку сломал, что алела, как кровь.
– Горчит, дорогой, – засмеялась Ирина.
Вздохнула. –
Горчит, как казачья любовь.

– Ей нужен морозец, холера вторая,
Тогда будет ягода слаще, вкусней. –
Он руки ей грел и шептал, обнимая,
Снежинки сдувая с любимой своей.

– Я буду любить тебя,
муж мой, Василий!
И ждать бесконечно, как в эту войну. –
И губы еще от калины горчили,
Казак согривал жарким телом жену.

Чистый Яр – Чистояр – то же, что станция Чистоярская.

Баты – то же, что станция Батинская.

Кайда (с каз.) – где, куда?

Онда – туда, там.

Алып – богатырь, великан.

